

черной или красной и наоборот.—Можно спорить о степени пользы, которую приносят людям наука въ своемъ новѣйшемъ развитіи; но не можетъ быть сомнѣнія, что она полезна. И, вотъ, разъ установилось такое мнѣніе, то Толстой спѣшитъ увѣрить насъ, что наука въ высшей степени вредна, что она мѣшаетъ усовершенствованію людей.—Извѣстно, что въ мірѣ стало менѣе жестокости. Но Толстой хочетъ убѣдить насъ, что теперь такъ много жестокости, какъ никогда.—Всѣ знаютъ, что сильныя военныя державы, производя захваты въ государствахъ, неспособныхъ отстоять независимость предѣловъ, руководствуются желаніемъ пріобрѣсти новыя владѣнія, изобилующія естественными богатствами. Но Толстой хочетъ заставитьъ насъ видѣть въ этихъ захватахъ слѣдствіе только того, что подданные государства, у котораго отнимаютъ земли, повинуются своимъ властямъ.—Извѣстно, что среди многочисленныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей есть люди, которые неумоимо работаютъ на пользу обширныхъ слоевъ населенія. Но, по словамъ Толстого, всѣ, управляющіе государствомъ, принадлежатъ къ худшимъ.—Люди, говоритъ Толстой, вообще недовольны своимъ спеціальнымъ занятіемъ. Безчисленныя же наблюденія доказываютъ, что во всѣхъ общественныхъ группахъ можно найдти людей, которые горячо преданы своему труду. Встрѣчаешь такихъ не только среди тѣхъ, которые посвящаютъ себя творческой дѣятельности высшихъ разрядовъ, но и между представителями простыхъ занятій: нерѣдко столяръ, садовникъ очень любятъ свое дѣло; многимъ приходилось наблюдать, какъ чиновникъ, уволенный отъ службы послѣ сорока лѣтъ дѣятельности, не знаетъ, къ чему приложить руки, и чувствуетъ себя прямо-таки несчастнымъ.—Сознаніе, что алкоголь вреденъ, вызвало почти повсюду сильное движеніе въ сторону трезвости. Толстой не ограничивается сочувствіемъ этому движенію и повтореніемъ мысли о вредѣ алкоголя, а силится дать вопросу новое освѣщеніе, старается доказать, что большая часть общественной работы выполняется людьми пьяными и т. д. Эти особенности Толстого, какъ мыслителя, заставляютъ примѣнить къ нему слова, которыя онъ сказалъ о Ницше: «Всѣ знаютъ, напримѣръ, что вода мокрая, и вдругъ человѣкъ съ серьезнымъ видомъ говорить, что вода сухая... И, съ увѣренностью выказанное, такое утвержденіе обращаетъ на себя вниманіе»¹⁰¹).

Дурное впечатлѣніе производитъ и нетерпимость Толстого. Мыслитель съ прочно обоснованными убѣжденіями можетъ отно-